

Феномен Доренко,

или Вам бы наши заботы, господин зритель

Теленеделя с Ириной ПЕТРОВСКОЙ

В начале недели на канале «ТВ Центр» возродился «Пресс-клуб», несколько месяцев назад выдворенный с первого канала ОРТ. Возродился уже в ином, более современном виде — в прямом эфире, с участием зрителей, получивших возможность звонить в программу по телефону или передавать свои сообщения по пейджеру, а также с привлечением молодежной «галерки» (привет «лестнице» с «Двенадцатого этажа»), претендующей на свое особое мнение.

На первом заседании авторы предложили всем участникам программы обсудить феномен Доренко. Но заранее предупредили гостей студии: нас волнует не конкретная персона, а новая ситуация в российской прессе, когда почти у всех телеканалов, газет и журналов появились хозяева, и журналисты вынуждены играть по задаваемым ими (хозяевами) правилам игры. Можно ли при этом сохранить независимость или обязательно впрямую обслуживать интересы финансовых корпораций, вероятно ли и невинность соблудности, и капитал приобрести?

Сергей Доренко, к удивлению авторов программы, согласился лично прийти на «Пресс-клуб», чем продемонстрировал, что человек он, во-первых, достаточно мужественный, а во-вторых, небезразличный к мнению и отношению коллег по цеху. Действительно, жить в сообществе и быть свободным от него нельзя. При этом он почти наверняка хорошо понимал: сколь бы острым и нелицеприятным для него ни получился разговор, в глазах зрителей он не только ничего не потеряет, но, наоборот, приобретет. Сочувствие как минимум. Люди уважают смелость и терпеть не могут, когда толпа идет стенкой на одного, даже если хочет не побить, а прояснить позиции. В студии, изнутри, так сказать, «ящика», это выглядело как напряженное, но достаточно мирное общение коллег по цеху (я там была, поэтому свидетельствую со всей ответственностью). А зрителями воспринималось как «позорное судилище», «китайская чистка», «проработка на партсобрании» — именно такие сообщения приходили на пейджер и в виде бегущей электронной строки передавались на экран.

Было у Доренко в глазах аудитории не только позиционное преимущество. Он абсолютно правильно выбрал и манеру поведения: казался уверенным в себе, в меру ироничным, добродушным, эдаким своим парнем с приглаженными вихрами, в домашней простенькой рубашечке. И весь этот его облик решительно не вязался с обвинениями в продажности, ревностной службе олигарху, в награду за которую он якобы получил дом и коня. Зрители, звонившие в эфир, или вовсе пропустили эти обвинения мимо ушей, или выразили свое полное согласие с тем, что раз Доренко купил задорого — значит, он того стоит.

Что характерно: на следующий день во «Времечке» другому ведущему телеаналитику Евгению Киселеву не простили сына, обучаемого за границей. «Как вам, человеку известному, не совестно в наше сложное время, когда рабочие голодают и пенсионерам не выплачивают пенсий, учить сына за границей?» — укоризненно спросила позвонившая в эфир женщина. Киселев для нее чужой, он как бы национальник от журналистики, ассоциирующийся скорее с политиками, говорящий на их языке и страшно всем своим обликом далекий от народа. Видно, что он может позволить себе не только учить сына за границей, но и вкусно есть, дорого одеваться, ездить на супериномарках и отдыхать в любой точке мира.

Доренко может себе позволить ровно то же самое. Но по виду он свой, простой, красивый, обладающий низким мужественным баритонам. К тому же борец за народное счастье, режущий с экрана правду-матку. Всю ту злобу, что накопилась в людях, он, не стесняясь, почти в тех же выражениях, какими кроют политиков во всех российских углах, изливает каждую субботу в эфире как бы от имени униженного и оскорбленного народа. «Жулики, казнокрады, взяточники, нашкодившие коты, политстриптизеры» — душа народная поет вместе с Доренко: «Так им и надо, прохвостам, скажи, Серега!».

Увы, зрительская память коротка, а политическая ситуация меняется столь стремительно, что колебания Доренко вместе с линией «партии» способны заметить лишь самые политизированные зрители.

Помните замечательный анекдот про начальника-чекиста, который инструктирует разведчика-нелегала перед выездом за рубеж: «Ваша легенда — вы граф, миллионер, у вас роскошная вилла, конюшня, псарня, каждый день вы играете в рулетку, тратите, не стесняясь в средстах, деньги на женщин...». В этот момент в кабинет входит бухгалтер и что-то шепчет на ухо начальнику. «Значит, так, — говорит чекист, — легенда меняется: вы нищий, живете на помойке».

Так и у Доренко: легенды кардинальным образом меняются. Самый последний пример — отно-

шение Доренко к кандидату в губернаторы Красноярска Александру Лебедю. Какой великолепный сарказм в его адрес продемонстрировал Доренко осенью 1996 года, когда «мочил» неуправляемого секретаря Совета безопасности, не угодившего родным олигархам, продвинувшим того на важный государственный пост! И куда же подевался этот сарказм сейчас? А никуда. Просто легенда поменялась, и «мочить» теперь заказано конкурента генерала Лебедева, тот и получает по полной программе фирменные доренковские разоблачения, сдобренные фирменным же сарказмом. А бывшие враги — Березовский и Лебедь — снова подружились. Дружья наших хозяев — наши дружья.

В этом и состоит феномен Доренко — он не только с легкостью меняет взгляды в зависимости от смены взглядов хозяина, не только с тем же творческим ражем творит новую «легенду», но и делает это предельно откровенно, вдохновенно, страстно. Когда его «Версии» в преддверии президентских выборов убрали с ОРТ, он во множестве интервью «поливал» канал Березовского как «абсолютно комиссарскую организацию, выполняющую спецмиссии» и опирающуюся на людей, которые «обслуживают хозяев». Легенда изменилась. Для выполнения личных «спецмиссий» владельцу ОРТ понадобился именно Доренко. Теперь он дает жестокий «отлуп» тем, кто смеет задевать хозяина. Когда «Известия» в связи с назначением Березовского заместителем секретаря Совета безопасности раскопали факт его двойного гражданства, Доренко немедленно обвинил газету в антисемитизме (второе гражданство Бориса Абрамовича было израильским), предложил редактору в подтверждение своей русскости ходить в лаптях и рыгать кислой капустой, а себя в знак солидарности с «Борисом» объявил евреем. Вряд ли сам Березовский диктовал Доренко цитату из Герцена (про кислую капусту), вряд ли настаивал на столь радикальной смене национальности. Это уже почерк первого ученика, это, кстати, и фирменный доренковский стиль: один факт с ловкостью вокзального наперсточника подменяется другим, серьезная политическая проблема — гнусным националистическим пережитком, о котором ни сном ни духом не помышляла газета, опубликовавшая статью.

Подобных примеров множество. Но на «Пресс-клубе» Доренко потому и выглядел столь уверенно, потому и победил в глазах зрителей, что никто его конкретными примерами в угол не загонял.

Доренко на «Пресс-клубе» мастерски вел свою партию — да, я такой, но именно таким меня любят мои зрители. Даже те, кто ненавидит, обожают ненавидеть меня каждую субботу. Журналисты терялись от такой сокрушительной самоуверенности, говорили на редкость неуверенно, стараясь доказать, что и в купленных «денежными мешками» СМИ можно сохранить известную степень независимости и порядочности. «Прекратите лицемерить, — немедленно телефонировали на пейджер зрители. — У каждого из вас есть свой хозяин, которому вы служите».

А один из позвонивших в эфир попросил уточнить: «Раз все журналисты кому-то принадлежат, значит, такие человеческие качества, как честность, порядочность, непроданность, журналистам только мешают?»

На ответ времени не осталось. Да и как ответить? Не скажешь же, что вот я, к примеру, честный, порядочный и непроданный, своего хозяина в лицо не знаю и обслуживаю не его интересы, а интересы своих читателей или зрителей? Не скажешь, то-то и оно, покажешься лицемером на фоне искреннего и не скрывающего своей ангажированности Доренко. А потому и осталось горькое ощущение, что вроде как сами себя высекали.

На следующий день всюду только и разговоров было, что о «Пресс-клубе». Во «Времечке» один из зрителей спросил Евгения Киселева, как он относится к Доренко? Киселев ответил: «Мой принцип коллег по цеху публично не обсуждать». Абсолютно то же самое до Киселева сказал мне мой «известинский» коллега Валерий Выжубович. Может быть, именно в этом дело? Может быть, действительно не стоит журналистам выяснять отношения между собой и выносить собственную «кухню» на широкое всенародное обсуждение? А то ведь рискуем потерять последние крупинки доверия.

Когда зрители, напереживавшись за дорогого Сережу, выключили свои «ящики» после окончания «Пресс-клуба» вместе с «обиженными» еще долго и вполне дружно общались, отвечая на вопросы. Сергей охотно отвечал на вопросы, которые ему не успели задать в эфире, а также поделился своей главной заботой — у него кобыла жеребая, а от кого она подзалетела, он не знает, потому не без волнения ждет разрешения кобылы от бремени.

Вам бы наши заботы, господин зритель.